И. Еловскій

Голодный поход Оренбургской арміи

(Из воспоминаній участника похода).

1921 г.

ПЕКИНЪ
Типографія Успенскаго монастыря при Русской
Духовной Миссіи.

Голодный поход
Оренбургской арміи.

(Из воспоминаній участника похода).

Послѣ того, как Южная армія[1]) потерпѣла тяжелое пораженіе под городом Актюбинском, потеряв в боях много плѣнных, кромѣ убитых и раненых, она была прижата к Тургайской степи. Вслѣдствіе сложившихся обстоятельств, много казаков и солдат добровольно сдались красным, уже послѣ сдачи города Актюбинска. Во время отступленія Южной арміи, Актюбинск был временно главной базой, а потому там находились госпитали, интендантства, эвакуированныя из разных мѣст учрежденія, бѣженцы, штабы 4-х корпусов и нѣкоторых других частей.

1 сентября 1919 года, совершенно внезапно, красные аттаковали Актюбинск, с поселка Всесвятскаго, т. е. с юго-западной стороны города. При поддержкѣ наступавшей пѣхоты и кавалеріи, они открыли сильный артиллерійскій огонь. Над городом летал большевистскій аэроплан, сбрасывая бомбы.

В городѣ создалась страшная паника. Видно было, что здѣсь не ожидали внезапнаго появленія красных. Творилось что-то невѣроятное. Почти весь город, кто мог и успѣл, спѣшно эвакуировался. Вся степь в районѣ Актюбинска на нѣсколько десятков верст, в особенности на юго-восток, как единственный путь отступленія, покрылась обозами. Ѣхали верхом, в экипажах, на автомобилях, шли пѣшком... Орудійная канонада, пулеметная стрѣльба, крики, стоны—все это сливалось в общій гул

---

[1]) Южная армія была сформирована из отдѣльной оренбургской арміи в началѣ 1919 года. Послѣдняя состояла почти исключительно из казаков Оренбургскаго войска, возставших против большевиков в срединѣ 1918 года, и основаніем для нея являлся отряд атамана Дутова, который с 1917 года боролся с большевиками.

и хаос. Вскорѣ показалась кавалерія красных, которая, заняв город, быстрым набѣгом отрѣзала почти половину движущейся из города ленты и возвратилась с добычей обратно.

Будучи неподготовленными к такой неожиданности, всѣ, спѣшно вышедшіе из города, как воинскія части, так и бѣженцы, обозы и проч. перемѣшались между собою в общем хаосѣ, толпою двигались, сами не зная, куда, лишь бы быть подальше от опасности. В таких условіях о сопротивленіи не могло быть и рѣчи, и хотя нѣкоторыя части защищали город и прикрывали отходивших, но онѣ немедленно были опрокинуты красными. Друг на друга нагоняя панику, всѣ растерялись и не знали, что дѣлать, куда двигаться в дальнѣйшем, гдѣ сборный пункт и проч.

Так вся толпа, объятая стадным инстинктом: куда один, туда и всѣ —двигалась до ближайшаго поселка Темирейскаго (в 30-ти верстах от города на юго-восток). Здѣсь ночевали и утром 2 сентября двинулись на поселок Романовскій. Поход до этого поселка продолжался три дня. За это время всѣ стали понемногу успокаиваться, разыскивать свои части и объединяться. Каждый из отступавших знал, что поселок Романовскій—это послѣдній населенный пункт, послѣ котораго пойдут Тургайскія степи, гдѣ не только трудно достать продовольствіе для арміи, но даже трудно проѣхать. Есть переходы до сотни верст, гдѣ нѣт воды, всюду сильный песок, без всякой растительности. Создавшаяся обстановка гнетуще дѣйствовала на измученных казаков и солдат, и они заявили, по приходѣ в поселок Романовскій, что дальше никуда не пойдут, а возвратятся домой. Так и сдѣлали многіе из них*).

Остатки нашего полка, который находился со дня возстанія на фронтѣ в безпрерывных боях и пользовался боевой славой,также пришел в поселок Романовскій. Казаки упали духом и были настроены весьма тревожно. Командир нашего полка донес по начальству: ,,полк находится второй год в безпрерывной боевой дѣятельноси, а за послѣднее время особен-

*) Нѣкоторыя части успѣли отойти от города Актюбинска на юг, по линіи Ташкентской ж. д., до станцій Джурун и Эмба, гдѣ от них также откололись многія части. Остатки этих частей, которыя пожелали пойти через Тургайскія степи на Сибирь, соединились с нами уже между Иргизом и Тургаем.

но, в исключительно трудных условіях, переутомлен и упал духом. У казаков нѣт не только обуви и теплаго обмундированія, но у многих нѣт даже шинелей, а пріобрѣтеніе таковых не предвидится еще на неопредѣленное время, несмотря на приближающіеся холода и начало сентября мѣсяца. Дальнѣйшее движеніе к юго-востоку от Актюбинска, в связи с большею и большею разрѣженностью населенія и ночлегами в чистом полѣ, в плохой одежонкѣ, при недостаткѣ фуража и продовольствія, заставляло казаков задумываться о дальнѣйшем пути и предстоящих лишеніях. В поселкѣ Романовском часть казаков заявила, что они дальше не пойдут, одновременно с этим потребовали выдачи авансов для обратнаго слѣдованія домой, т. е. в сторону красных; в противном случаѣ, грозили оставить у себя обоз и денежный ящик. Получив отказ, они привели свою угрозу в исполненіе. Многіе казаки отказались от подчиненія."*)

Тревожное настроеніе в частях нарастало с каждым часом. По пути отхода солдаты и казаки бросали и жгли оружіе; все чаще и чаще повторялись угрозы командному составу. Особенно это замѣчалось в пѣхотных частях, гдѣ открыто велась разлагающая агитація. Представители одного митингующаго N-го пѣхотнаго полка явились и в наш полк.

Явившіеся солдаты созвали вокруг себя казаков нашего полка и заявили: „всѣ части рѣшили сдаться большевикам, вмѣстѣ с оружіем, и выдать офицеров, так как отступать больше некуда, ибо пойдут дальше Тургайскія степи, а потому мы требуем немедленнаго ареста офицеров." Хотя часть казаков нашего полка категорически отказалась отступать дальше, но ни одному казаку не приходило даже мысли выдавать офицеров своего полка, с которыми они были братьями по бранному полю и, связанные одной общей идеей, переносили вмѣстѣ так долго голод, холод и разныя лишенія.

---

*) Настоящим я помѣщаю только самую незначительную выписку из рапортов командира нашего полка, как документов, имѣющих в будущем важное историческое значеніе. Эти рапорты были затребованы от командиров всѣх частей Южной арміи командующим этой же арміей генерал-майором Бѣловым; от командира каждой части требовалось мнѣніе об основных причинах разложенія частей и сдачи казаков и солдат красным. Всѣ рапорты командиров частей имѣют почти тождественный характер между собою.

в требованія явившимся было отказано, но все же казаки боялись, как бы этим не вооружить против себя бунтующія другія части, и, в связи с этим, держались индифферентно.

Видя такое поведеніе казаков нашего полка, явившіеся солдаты заявили, что они сами арестуют офицеров и под своим конвоем доставят, куда нужно. Одновременно с этим солдаты стали между собою препираться, кому первому войти к офицерам полка, сидѣвшим в маленькой хохлацкой избенкѣ, и объявить им о своем намѣреніи. Первым войти никто не соглашался. Тогда рѣшили бросить жребій, который пал на двух из шести пришедших солдат. Послѣдніе сразу же отказались, говоря: „с офицером плохая шутка: отсѣчет голову тебѣ, а вѣдь все же нужно идти домой. Все время воевали и живы остались, а тут ни за что погибнешь."

Один из солдат заявил, что он зайдет к офицерам, но без оружія и под каким-либо предлогом. „Если я пойду с оружіем или всѣ сразу, то мы выдадим себя, офицеры догадаются, в чем дѣло, и примут мѣры защиты" —так объяснял солдат.

Всѣ эти разговоры, происходившіе за открытым окном избы, гдѣ сидѣли офицеры нашего полка, послѣдніе слышали, а потому, приготовив оружіе, ждали, что будет. Солдат нѣсколько раз обошел вокруг избенки, а затѣм постучал в дверь и попросил разрѣшеніе войти. Солдату было разрѣшено войти. Он по всѣм правилам строевого устава отдал честь и, не убирая руку, отрапортовал, что он прислан в наш полк от такой-то части узнать, какой наш полк имѣет маршрут. Конечно, офицеры знали дѣйствительную цѣль посѣщенія, но все же сказали солдату, что еще никаких распоряженій не получено. Солдат с подобающей вѣжливостью хотѣл уходить, но к нему подошел подъесаул Фокин и сказал: „вы хотите идти домой, мы вас не задерживаем—не мѣшайте и нам ѣхать домой или туда, куда мы хотим". Пришедшій хотѣл что-то возразить, но, посмотрѣв на здоровую фигуру Фокина и видя его вооруженным, убѣдился, что дѣйствительно, пожалуй, лучше не мѣшать офицерам, и ушел. Вслѣд за этим мы узнали, что один из полковых командиров, полковник Богданов, объединяет казаков и солдат, возвращающихся домой, объявив, чтобы всѣ оставались на своих мѣстах, так как всѣ в цѣлом пойдут к красным.

В эту же ночь, т. е. с 5 на 6 сентября 1919 года, офицеры всѣх находившихся тут частей, казаки и солдаты, пожелавшіе пойти через Тургайскія степи на Сибирь, для соединенія с Сибирской арміей, успѣли организоваться в маленькія группы и выѣхать из поселка Романовскаго. К ним присоединились и семьи бѣженцев.

Стража, выставленная, по приказанію полковника Богданова, для задержанія всѣх ѣдущих из поселка, была мало бдительна, или не обращала никакого вниманія на происходящее. Во время нашего отъѣзда, в поселкѣ Романовском происходило что-то ужасное: возвращающіеся домой жгли патроны, оружіе, казенныя и офицерскія вещи; стоял крик, шум; слышались стрѣльба, музыка и пѣніе. Всюду виднѣлись большіе костры огня. Поселок горѣл в двух мѣстах.

Так перестала существовать в цѣлом Южная армія, героически боровшаяся с численно превосходившим противником. Мнѣ пришлось быть свидѣтелем трагической агоніи этой славной когда-то арміи и вмѣстѣ с остатками ея совершить большой и трудный переход вплоть до китайской границы.

Всѣ остатки частей Южной арміи, разбившіяся на разныя группы, вышедшія из поселка Романовскаго, перевалив Мугджарскій хребет, оказались в степи Иргизскаго уѣзда Тургайской области. Спеціальнаго обоза не имѣлось, так как запасов продовольствія и фуража не было. И раньше ощущался в этом большой недостаток, а теперь, при поспѣшном выѣздѣ, было и негдѣ достать, да и некогда. Людям было объявлено, что каждый будет получать продовольствіе—2 фунта сырой баранины. Хлѣба и других продуктов, за полным отсутствіем таковых, выдаваться не будет.

Всѣ движущіяся по Тургайской степи группы представляли из себя то длинную живую ленту, то отдыхающую на лонѣ степи пеструю толпу. Всѣ спѣшили, чего-то боялись, нервничали, ссорились, бросали вещи и даже лишнюю одежду, лишь бы не утомлять лишним грузом себя и свою лошадь. Много казаков, солдат и бѣженцев отстали от своих частей и групп, а потому пробирались от одной группы к другой. Каждый пуще смерти боялся остаться без лошади, а послѣдніе очень часто исчезали во время остановок.

С каждым днем наши запасы истощались. Доставать продуктов было негдѣ, так как в пустынной, безводной, песчаной и совершенно лишенной растительности степи не было населенія. Если гдѣ и кочевали киргизы, то, услыхав, что идут русскіе, откочевывали куда-нибудь подальше от пути нашего слѣдованія. Благодаря питанію одним мясом, начались массовыя желудочныя заболѣванія. Смертность сильно повышалась. Были частые солнечные удары, со смертельным исходом. В первую же недѣлю пути пало много лошадей, в особенности кровных. Многія были оставлены на пути, как отказавшіяся идти далѣе от изнуренія. По всей дорогѣ цѣлыми рядами стояли и лежали лошади, обреченныя на вѣрную гибель. Жаль было смотрѣть на этих несчастных и невольных жертв человѣческих неурядиц: с такою невыразимо глубокою грустью смотрѣли онѣ на мимо проходящіе обозы и людей, дѣлая попытку присоединиться к ним, но от слабости не могли сдѣлать ни одного шага. Очень много лошадей гибло в соляных озерках по степи, когда, послѣ перехода по трудному и безводному пути, онѣ на остановках пускались пастись. Увидав озерко, лошади жадно бросались к водѣ, но тотчас же вязли в очень топкой грязи, будучи не в состояніи, по своей слабости, выбраться из топи.

Случалось, что по нѣскольку дней в пути не было воды. А когда подходили к озерку, вода в нем оказывалась столь соленою, что не годилась не только для питья, но даже для умыванія. Иногда можно было видѣть, как у озерка, размѣром в квадратную сажень-двѣ, лежат трупы утонувших лошадей, и здѣсь же казак, встав на эти трупы, достает из-под них в котелок воду.

Также нерѣдко можно было наблюдать, как около павшей лошади рыдала вся семья бѣженца, обреченная остаться в степи на голодную смерть. Кто им поможет в этом горѣ, и к кому обратиться, когда каждый спасает себя, и, может быть, не сегодня-завтра сам окажется в таком же положеніи? Чувство состраданія исчезло у каждаго. У дороги лежит умирающій человѣк, который умоляет о помощи, протягивает руки к проходящим, плачет, стонет, но никто не видит и не слышит. Такія картины становились обычными. Вот жена и дѣти оплакивают мужа и отца, а здѣсь кто-то бьется в пред-

смертной агоніи, пораженный солнечным ударом... Никто ни на что не обращает вниманія. Каждый исполнен только одним желаніем: вперед, как можно, скорѣе вперед, ибо каждая минута промедленія грозит смертью.

В началѣ нашего путешествія по голодной степи, погода стояла благопріятная, хотя днем бывало иногда очень жарко. Ночи были теплыя. К нормальному движенію не было особенных затрудненій, за исключеніем плохой дороги и глубокаго песка. Утром вставали рано, чтобы успѣть до жары сдѣлать полупереход. Во время полуденной жары дѣлались остановки часа на два, на три. А затѣм продолжали путь вплоть до ночи. Конечно, было бы лучше ѣхать в ночное время, ибо не страдали бы ни люди ни лошади от сильной жары, жажды и преждевременнаго утомленія. Но это представлялось, по нѣкоторым причинам, неудобным: в темную ночь легко можно было сбиться с направленія и потерять дорогу, которой и так почти не было; кромѣ того, лошади во время ночной прохлады лучше ѣли и отдыхали. В дневную жару лошади не ѣли, а лѣзли в водѣ, стараясь избавиться от жары, комаров и овода.

Мѣстами степь была так безводна и мертва, что ни одного звѣрка, ни одной птички, ни одного насѣкомаго нельзя было увидѣть. Никаких признаков жизни. Каждый день мы видѣли необъятное пространство степи. Каждый день все тот же вид, все тѣ же картины. Монотонно, однообразно... И настроеніе все то же: тяжелое, подавленное, с нехорошими предчувствіями. Я часто видѣл миражи: вдали—красивый большой город, с многочисленными церквами, башнями и красивыми зданіями. Или чудный оазис с дивною растительностью, садами, рѣкою и проч... Порой мираж представлялся так ясно, что я начинал уже вѣрить в дѣйствительность его; я не хотѣл, чтобы это был только обман зрѣнія, галлюцинація. Иногда бывало и обратное: реальная дѣйствительность представлялась сном или галлюцинаціей.

Продуктов в пути почти не было. Мясо, единственный продукт, который служил нам питаніем, нерѣдко портился от жары. Не было в степи и топлива. Считалась очень рѣдкою и счастливою та остановка, гдѣ можно было найти сухіе травяные корни, и можно было сварить чай, конечно, если есть вода, а то может быть одно, но не быть другого.

Однажды во время пути разразилась гроза, продолжавшаяся болѣе суток, с сильным дождем и вѣтром. Движеніе стало невозможным, так как глубокій песок пропитался водой. Мы промокли до костей, ибо у всѣх нас, кромѣ шинелей, не было ничего, чѣм бы можно было предохранить себя от дождя. Спать во время остановки приходилось на мокрой землѣ, без всякой подстилки и прикрытія, под сильным дождем. Мы страшно измучились физически и нравственно, прозябли и были голодны. Зажигать огня было нельзя: нѣт топлива, а если были травяные корни, то они были смочены дождем и не горѣли.

Послѣ грозы мы продолжали наш путь с невѣроятными трудностями, по грязи и глубокому мокрому песку. На первых трех верстах пути, измученныя лошади начали останавливаться, нѣкоторыя издыхали. Каждый из нас предпочитал лучше умереть самому, чѣм остаться без лошади, и для облегченія лошадей, до полнаго изнеможенія, сами помогали им тащить телѣги. Хозяин павшей лошади бросал на дорогѣ телѣгу и все имущество, а сам пѣшим присоединялся к своим спутникам, разсчитывая на милость послѣдних и полагая, что они не дадут ему умереть голодною смертью. Лошади значительно с каждым днем убывали. Пѣших стало больше, чѣм конных.

Так шли мы по степи нѣсколько дней.

Наше положеніе стало улучшаться лишь при приближеніи к маленькому городу Иргизу. Здѣсь стали попадаться киргизскія кибитки, хотя и вдали от пути нашего слѣдованія.

Сейчас же были посланы команды казаков и солдат, для реквизиціи верблюдов, которыми и были пополнены всѣ наши обозы. Каждый из оставшихся в живых путешественников с благодарностью будет вспоминать этих милых животных, которыя дали нам возможность продолжать ужасное отступленіе.

Перед приходом в Иргиз каждый предвкушал удовольствіе отдохнуть, запастись продуктами и проч. Вечером 13 сентября мы увидѣли, впервые за все путешествіе, населенный пункт. Это был уѣздный город Иргиз, Тургайской области. Трудно описать нашу радость, когда мы увидѣли сіявшій, при блескѣ солнечнаго дня, церковный купол, а затѣм и весь город. Город расположен на берегу рѣки Иргиз и представляет

живописный и привлекательный оазис. Всѣ дома выглядят очень скромно; сдѣланы они из глины. Населеніе состоит из татар и киргиз; есть нѣсколько русских правительственных учрежденій.

К сожалѣнію, нам не только не удалось осмотрѣть город, но и запастись продуктами и подкормить здѣсь верблюдов и лошадей. Через сорок минут послѣ нашего прихода в Иргиз, нам пришлось с лихорадочною поспѣшностью продолжать свое путешествіе, так как было получено извѣстіе, что в двадцати верстах от города, со стороны Челкара, появилась кавалерія красных. Перед нами лежал путь на Тургай. Хотя здѣсь дорога была немного лучше, но вообще этот переход оказался тяжелым. Люди устали. Много было больных. На пути очень часто встрѣчались могилы, а то и совершенно не зарытые трупы, оставленные впереди идущими. Дорога была такая же однообразная и монотонная, как и до Иргиза. На этот раз каждый ободрял себя тѣм, что он увидит многолюдный областной город Тургай, бойкій торговый пункт, гдѣ можно будет достать хоть маленькій кусочек прѣснаго или кислаго хлѣба, отдохнуть и запастись продуктами. Знали мы также, что в Тургаѣ находится штаб арміи и командующій арміей, а потому всѣ ожидали получить здѣсь ободряющія новости. Вечером 20 сентября мы подошли к городу и расположились вблизи него, так как город был переполнен прибывшими воинскими частями остатка Южной арміи и бѣженцами. Помимо этого, верблюдов и лошадей нам нужно было кормить подножным кормом, так как фуража у нас не было.

Каково было наше разочарованіе, когда мы, вмѣсто большого города, увидѣли маленькую деревушку с глиняными домишками. Достать что-либо из продуктов в Тургаѣ было абсолютно невозможно, ибо все было уже захвачено прежде прибывшими. В городѣ имѣлись нѣкоторыя правительственныя учрежденія, и жило немного русских; остальные жители—татары и киргизы. Город является главным торговым пунктом в Тургайской степи, имѣя торговыя сношенія с Оренбургской губ., русским Туркестаном и Сибирью.

Вот в этом самом городѣ, утром 21 сентября, генерал Бѣлов, собрав всѣ остатки Южной арміи, которыя успѣли подойти к этому времени сюда, в послѣдній раз говорил перед

нами, как командующій арміей, но ничего утѣшительнаго не сказал. Он, назвав нас всѣх „чудо-богатырями", приказал всѣм группам на слѣдующій же день послѣдовательно отбывать дальше на поселок Державинскій, первый русскій поселок в Тургайской степи. Из слов командующаго арміей мы узнали, что нас, таких „чудо-богатырей", осталось от Южной арміи еще около двадцати тысяч, которыя идут на Сибирь.

Утром 22 сентября, пробыв в Тургаѣ менѣе двух суток, мы снова двинулись в путь. Дорога стала немного лучше. Чаще попадалась вода и хорошій подножный корм для верблюдов и лошадей. На извѣстных разстояніях пути здѣсь уже выставлялись комендантскіе этапы. Хотя на них никаких запасов продовольствія и не было, но все-же они устанавливали нормальный порядок движенія и остановок. Этапные коменданты давали проходившим группам различныя справки и объединяли их; указывали путь слѣдованія и слѣдили за порядком и нормальным движеніем.

Было уже начало октября мѣсяца. Выпал первый снѣг, но скоро стаял. Начались холодные вѣтры, в особенности ночью. А нам днем и ночью приходилось быть в однѣх шинелях, которыя каждому замѣняли матрац, подушку и одѣяло. Осень сильно давала себя чувствовать. Понемногу нам стали измѣнять и наши послѣдніе друзья—верблюды. Они останавливались в пути, вслѣдствіе плохого корма и изнуренія от больших и трудных переходов. Хотя до поселка Державинскаго оставалось немного, но нужно было из-за верблюдов двигаться медленнѣе и дѣлать дневки.

Днем 5 октября мы увидѣли сначала купол церкви, вѣтряныя мельницы, а затѣм и весь поселок. Русскій поселок! Нашу радость и восторг невозможно описать. Крики: ура! прокатились по дикой степи. Каждый в душѣ горячо молился и приносил слова благодарности Богу. Нам казалось, что Тургайскій поход был для нас гораздо опаснѣе, чѣм пребываніе на фронтах германской и гражданской войны. „Мы еще живы! Мы спасены!" раздавались возгласы с разных сторон. Грустныя и мрачныя лица, бывшія у всѣх до этого, стали радостными и веселыми. Казалось, что мы всѣ уже забыли, что видѣли, и что пришлось перенести. Мы не знали еще тогда, что готовит злая судьба нам в будущем.

Поселок Державинскій находится в Акмолинской обл., основан переселенцами из центральных губерній Россіи. Крестьяне поселка очень зажиточны, приняли нас гостепріимно. Все было переполнено пришедшими группами и бѣженцами, а потому, в цѣлях разгрузки поселка, всѣ прибывавшіе немедленно отправлялись на Атбасар.*)

С Державинскаго до Атбасара путь лежал уже по линіи сел и деревень. По прибытіи въ Атбасар, штаб арміи и нѣкоторыя части размѣстились в городѣ, а остальныя—в окрестных селах. Остатки Южной арміи, для соединенія с Сибирской арміей, должны были выйти на Петропавловск, но были получены свѣдѣнія, что Петропавловск уже сдан. Предположено было поэтому выйти на Омск. А пока люди должны были отдохнуть, части—сформироваться. Командующій Южной арміей, генерал Бѣлов, выѣхал по вызову в Омск, в ставку Верховнаго Правителя. Из остатков Южной арміи была сформирована отдѣльная оренбургская армія. Командующим был назначен из ставки Верховнаго Правителя войсковой атаман Оренбургскаго войска, генерал-лейтенант Дутов.

Вскорѣ отдѣльной оренбургской арміи было приказано двигаться на Кокчетав и Омск, но уже было поздно: Омск пал, а поэтому оренбургская армія пошла на Акмолинск и Каркаралинск, с цѣлью пробиться на Семипалатинск и Ново-Николаевск, гдѣ предполагалось соединиться с Сибирской арміей. Но и тут оказалась неудача: Семипалатинск пал от внутренняго возстанія. Таким образом, оренбургская армія оказалась совершенно отрѣзанною.

Какія же были перед нами возможности? Пробиваться на Семипалатинск—нѣт достаточнаго количества патронов и снарядов, и нужно было, кромѣ того, выдерживать напор преслѣдующаго нас противника, напирающаго с тыла. Арміи ничего не оставалось, как идти через Каркаралинск на Сергіополь и в Семирѣчье, для соединенія с отрядом генерала Анненкова.

В это время красные стали проявлять особенную активность, дѣлая попытку совершенно окружить армію. Начались

---

*) Уѣздный город Акмолинской области, станица Сибирскаго казачьяго войска.

внезапные набѣги на тыл и с фланга на центр отходящим группам арміи. Бои велись одновременно: в авангардѣ, в арьергардѣ, на флангах, а иногда и в центрѣ арміи. Красные захватывали много обозов и людей и препятствовали нашему нормальному и спокойному движенію.

В одной из таких внезапныхъ схваток с красными погиб доблестный генерал Вишневскій, начальник сызранской дивизіи. В его лицѣ как сызранская дивизія, так и оренбургская армія понесли чувствительную утрату. Тут же погиб извѣстный своею храбростью и подвигами полковник Булгаков. Ко всѣм бѣдствіям прибавилось еще одно: появились эпидеміи тифа сыпного, брюшного и возвратнаго. Эти эпидеміи унесли людей больше, чѣм пало их на полѣ брани. Едва ли сохранился хоть один человѣк, не болѣвшій тифом, начиная от генерала и кончая казаком. Смертность доходила до ужасающих размѣров.

Путь из Каркаралинска [1]) до Сергіополя лежал через Каркаралинскія степи и был очень продолжителен. По пути слѣдованія, здѣсь в извѣстных пунктах выставлялись киргизскія лѣтнія кибитки, в коих помѣщались коменданты этапов. Назначенія своего кибитки, конечно, не оправдывали, так как при 30° и 40° холода было почти безразлично: находиться ли под открытым небом или в дырявой лѣтней киргизской кибиткѣ, без всякаго отопленія. Если чѣм и были полезны эти кибитки, то только тѣм, что указывали направленіе слѣдованія частей и содѣйствовали связи и объединенію проходивших частей. Умерших в пути слѣдованія проходившія части сдавали этапным комендантам для погребенія, конечно, без всяких уж религіозных обрядов. Комендант поручал похороны подчиненному своему киргизскому старостѣ, а послѣдній—еще кому-нибудь.

К 15 декабря 1919 года части арміи стали прибывать в Сергіополь [2]).

---

[1]) Каркаралинск—станица Сибирскаго казачьяго войска, родина нашего національнаго героя и русскаго патріота Корнилова.

[2]) Сергіополь—станица Семирѣченскаго казачьяго войска, находится около двухсот верст от западной границы Китая.

Здѣсь мы узнали, что между командующим отдѣльной оренбургской арміей, генерал-лейтенантом Дутовым, и командующим семирѣченским отрядом, генерал-майором Анненковым, достигнуто было соглашеніе, по которому наша армія вливалась в семирѣченскій отряд, сохраняя наименованіе „оренбургскаго отряда.“ Семирѣченскій отряд переименовывается в „отдѣльную семирѣченскую армію.“ Генерал Анненков оставался командующим этой арміей, а генерал Дутов получал назначеніе военным генерал-губернатором Семирѣчья, с подчиненіем командующему отдѣльной семирѣченской арміей. Командующим оренбургским отрядом назначен был генерал-майор Бакич, бывшій лихой командир 4-го корпуса Южной арміи, с непосредственным подчиненіем командующему семирѣченской арміей. Одновременно оборона Семирѣчья была раздѣлена на два участка: Учарал и Лепсинск—семирѣченской арміи; а от Сергіополя до Бахты—оренбургскому отряду. Атаман Дутов, имѣя маленькій отряд, как конвой, мог выбирать мѣстонахожденіе по своему усмотрѣнію, но не теряя связи с генералом Анненковым.

Хотя оренбургскій отряд и занимал свои позиціи, удерживая таковыя, но не мог уже быть по прежнему боеспособным, так как почти весь отряд превратился в повальных больных тифом. Части с каждым днем таяли. Смертность была ужасающая. Медикаментов никаких почти не было, а также и ухода. Хотя госпиталь Краснаго Креста и принимал больных, но на весь отряд было мало госпитальной администраціи. Медицинским персоналом дѣлался обход по квартирам расположенія частей, гдѣ находились больные. Иногда среди больных два, три человѣка умирали и лежали вмѣстѣ с больными по нѣскольку дней, так как не только вынести умерших, но подать пить больным было зачастую некому. Случалось, что, вслѣдствіе недосмотра, один или нѣсколько человѣк, находясь в сильном бреду, выходили из квартир в одном бѣльѣ, босые, и разгуливали, при 25-30° холода, по снѣгу.

От каждой части назначались особыя команды, которыя безпрерывно рыли могилы и носили туда умерших. Зарывали в одну могилу иногда до 25 человѣк. Жители сел, в которых размѣщался отряд, тоже повально были всѣ больны; их положеніе было еще хуже, так как похоронить умершаго, вы-

рыть могилу было некому. Приходилось обращаться только к помощи казаков, в то время, когда они зарывали своих в могилы. Но казаки не соглашались ни за какія деньги зарывать в одну могилу не принадлежащаго к отряду. Только послѣ горячей мольбы, благосклонно соглашались иногда присоединить к своим и „штатскаго."

Тут же еще киргизы, видя слабость русских, не преминули отомстить своим вѣковым врагам, а потому стали заниматься грабежами и убійствами. Отдѣльным лицам, ѣдущим в командировку, приходилось рисковать часто жизнью. Вот один из многих случаев. По служебным дѣлам ѣхало пять человѣк русских: три офицера и два казака. Был сильный холод; ѣхавшіе озябли и свернули с дороги в ближайшій киргизскій аул обогрѣться. Пока грѣлись, в саклю набралось очень много киргиз, человѣк до шестидесяти. Вдруг киргизы бросаются на русских. Завязывается борьба. Одному из офицеров удается освободиться и выдернуть из рук киргиза браунинг. Вооружившись, офицер произвел в упор два выстрѣла и убил наповал двух киргиз. Больше в браунингѣ патронов нѣт. От неожиданности отпора киргизы растерялись и пріостановились. Воспользовавшись этим, один из казаков выдернул из рук киргиза винтовку, и, пока заряжал ее, киргизы бросились бѣжать. Казак пустил в догонку по пулѣ, и четверо остались на мѣстѣ. Пятой пулей казак промахнулся: „выбирал поздоровѣе," как он потом разсказывал. Впослѣдствіи выяснилось, что в этом же аулѣ за два дня до указаннаго происшествія был убит казначей одного из полков оренбургскаго отряда и с ним казак. Это было между Сергіополем и Урджаром, в срединѣ декабря 1919 года.

Подобный же случай был на китайской границѣ, в началѣ января мѣсяца 1920 года. Шесть человѣк офицеров было командировано в город Зайсан из станицы Урджарской. Так как китайская граница клином врѣзается между Урджаром и Зайсаном, то, в цѣлях сокращенія пути, офицеры поѣхали через китайскую границу. По пути слѣдованія они узнали, что Зайсан занят большевиками, а потому вернулись обратно. По дорогѣ их задержали вооруженные киргизы и представили киргизскому старостѣ, для выясненія личности. У офицеров оказался только консульскій документ, который

староста и посмотрѣть не пожелал, говоря, что русскій консул теперь человѣк маленькій, и его документы ничего не значатъ, и просил дать документы, написанные по-китайски или по-мусульмански. Так как такового документа не оказалось, то офицеров арестовали и подвергли самому тщательному обыску. Отобраны были всѣ подозрительныя вещи. В число послѣдних попали, конечно, перочинные ножички, ножницы, серебряный портсигар и проч. Оружія офицеры не имѣли, так как, согласно положенія, сдали его русской пограничной стражѣ. Задержанным объявили, что их под большим конвоем отправят в Зайсан, гдѣ большевики; киргизы, очевидно, надѣялись получить за каждаго доставленнаго русскаго денежную награду.

Через нѣкоторое время смотрѣть на русских плѣнных собралось болѣе ста киргиз. Всѣ со смѣхом, ликующе указывали пальцами на русских, и каждый считал долгом внимательно разсмотрѣть того ненавистнаго „гяур-уруса", перед которым сотни лѣт трепетали его предки. Нѣкоторые, не вѣря глазам, переходили к осязательному анализу: щупали нос, голову, волосы, руки и одежду задержанных. Офицеры, побывав во многих боях в германскую войну и стоя все время перед лицом смерти в гражданскую войну, казалось бы, должны были привыкнуть ко всякаго рода опасностям. Но здѣсь они пали духом. Тяжело было издѣвательство киргиз, увѣренных в превосходствѣ своей силы над беззащитными людьми. Находившійся с офицерами военный чиновник не выдержал и заболѣл нервным разстройством. Офицеры знали, что много русских было убито и ограблено киргизами. Знали также, что в районѣ Семипалатинска большевиками производилась вылавливація, при помощи киргиз, отдѣльных лиц и бѣженцев из Семипалатинска и Каркаралинска. Перед ними обрисовалась картина: гибель от киргиз или от большевиков, которым выдадут офицеров за деньги. Оставалось бѣжать, но уйти из-под такого многочисленнаго конвоя было невозможно. Откупаться—дорого запросят, нѣт денег. Но все же плѣнные упросили старосту отпустить их на свободу за выкуп. Староста взял с них: 3 коня, с каждаго по 500 руб. романовскими деньгами, по двѣ пары бѣлья и одну пару сапог; отобранное при обыскѣ не было возвращено. Плѣнные

расплатились и в ту же ночь покинули своего гостепріимнаго хозяина, возвратившись пѣшком в Чугучак, а оттуда в свою часть, которая была недалеко на русской границѣ.

Одновременно с этим красные заняли Сергіополь, но дальше не пошли, так как нужно было наступать через Тарбагатайскій перевал, между Сергіополем и Урджаром. В зимнее время этот перевал очень труден, а во время буранов и непогоды невозможен. Поэтому красные рѣшили выждать для дальнѣйшаго наступленія болѣе теплаго и благопріятнаго времени. Оренбургскій отряд от Сергіополя отступил и занял от перевала до границы Китая всѣ мелкія деревушки и три больших станицы: Урджар, Маканчи и Бахты.*) К этому времени наш отряд мог располагать только стоверстным плацдармом в глубину.

В таком положеніи оренбургскій отряд находился до средины февраля мѣсяца 1920 года.

„Горные орлы" (так называли себя большевики, засѣвшіе в горах Тарбагатая, куда ушли еще год тому назад из ближайших сел и деревень, от преслѣдованій отряда генерала Анненкова), стали дѣлать набѣги на населенные пункты, гдѣ помѣщались беззащитные и больные оренбуржцы.

В концѣ февраля большевики, выждавшіе благопріятной погоды, повели наступленіе на оренбургскій отряд, сбили его и перевалили Тарбагатай. Вслѣдствіе этого, оренбургскій отряд выставил на позиціи все, что можно было только набрать для защиты. С одной стороны были большевики, с другой—китайская граница. Оставалось защищаться, или переходить китайскую границу, сдав оружіе китайцам. Обстановка была все же достаточно ясною: держаться уже негдѣ и не с кѣм, отряд не получал питанія ни продовольствіем ни огнестрѣльными припасами. Кромѣ того, борьба не могла вызываться

---

*) Станицы Семирѣченскаго войска—это главная база по пути отходившаго оренбургскаго отряда.

От Урджара до границы Китая около ста верст. Маканчи переименовано в „Анненково", находится на старой границѣ Россіи с Китаем, в 45-50 верстах от новой границы.

Жители Бахты—переселенцы из разных губерній Россіи; но затѣм приписались к Семирѣченскому войску. Бахты находятся почти на самой границѣ Китая. В мирное время здѣсь стояли войска для охраны границы и пограничная стража.

ни тактическими ни стратегическими соображеніями, и потому не было смысла в напрасной тратѣ людей.

Поэтому слѣдовало бы, пользуясь моментом, отводить людей из опасной полосы и сосредотачивать к самой границѣ Китая. Но генерал Бакич не хотѣл переводить своих славных оренбуржцев через границу на положеніе простых бѣженцев, а потому приказал держаться до послѣдней возможности. Болѣзненные, перенесшіе три вида тифа, без отдыха, страдая от холода, при плохом обмундированіи и продовольствіи—были втянуты в бои казаки и солдаты былой оренбургской арміи.

Еще раз дрались оренбуржцы хорошо и не раз били зарвавшихся красных. В этих боях был тяжело ранен генерал Шеметов, начальник 2 оренбургской казачьей дивизіи.

„Отец-командер", как его называли казаки, был очень популярен среди них.

Своим безпрерывным пребываніем на фронтѣ в теченіе полуторых лѣт, он заслужил самое теплое к себѣ отношеніе и зарекомендовал себя рѣдкою храбростью. Он был хорошим начальником и чутким, внимательным человѣком.

Красные, сосредоточив большія силы, заставили все же оренбургскій отряд отходить и, заняв станицу Урджарскую и Маканчи, прижали его к границѣ Китая. В это время генералом Бакичем велись переговоры с китайскими властями о переходѣ границы русским отрядом. Переход границы был разрѣшен.

Всѣ госпитали, учрежденія и обозы были эвакуированы за границу, в китайскій город Чугучак, стоящій в 18-ти верстах от станицы Бахты, между которыми проходит русско-китайская граница. 13 марта 1920 года отряду было приказано перейти китайскую границу и сдать оружіе китайским властям. Утром 14 марта арьергард отряда с боем стал подходить к русско-китайской границѣ. Красные, ожидавшіе сдачи отряда на границѣ, поняли, в чем дѣло, а потому, не желая отпускать своих врагов, в конном строю бросились в аттаку, дабы окружить и задержать, а в крайнем случаѣ, изрубить отступавших. Казаки и солдаты открыли сильнѣйшій пулеметный и ружейный огонь. Кавалерія красных, понеся порядочныя потери, отступила обратно. Орен-

буржцы же, разстрѣляв почти всѣ патроны и сдѣлав все, что можно было сдѣлать, с сознанiем исполненнаго долга, перешли предѣлы своего многострадальнаго отечества и вошли в чужую страну. Это было часов в 6-7 утра 14 марта 1920 года.

Перешедших было свыше десяти тысяч человѣк, не считая бѣженцев. К моменту перехода, опомнившаяся кавалерiя красных торжествующе подъѣхала к китайской границѣ, но перейти послѣднюю не посмѣла, так как китайцы для охраны границы сосредоточили много войск. Долгое время со стороны красных неслось пѣнiе революцiонных пѣсен, крики: ура!, видны были насмѣшливые и угрожающiе жесты по адресу перешедших.

Наши части были интернированы китайцами. Китайцы приказали всѣм сдать оружiе холодное и огнестрѣльное, даже офицерам не разрѣшили имѣть при себѣ почетнаго оружiя. Все полученное оружiе китайцы отправили в Чугучакскую крѣпость. Так очутились мы в чужой странѣ, среди чужого народа.

Всѣх нас размѣстили в военный лагерь, находившiйся под открытым небом, на берегу рѣки Эмиль, в 40 верстах от города Чугучака. Здѣсь на десятиверстном пространствѣ, по правому берегу рѣки Эмиль, всѣ части были симметрично расположены, сохраняя свое прежнее управленiе и названiя частей. Для представительства и надзора от китайских властей был назначен при лагерѣ русскiй комендант с командою китайских солдат. Довольствiе было от китайцев, но за наличныя средства отряда, с таким разсчетом, что каждый интернированный, будь то солдат или генерал, получает продовольствiя в сутки: $^{1}/_{4}$ ф. баранины и 1 ф. хлѣба. Конечно, если бы доставка продовольствiя, в особенности хлѣба, происходила нормально, то хоть голодно, но все же существовать можно было бы. В виду же того, что хлѣб доставлялся неаккуратно и с опозданiем, отряд иногда должен был голодать. Китайскiе чиновники несвоевременную доставку хлѣба объясняли тѣм, что будто бы здѣсь мало мельниц, и онѣ не успѣвают вымалывать достаточное количество хлѣба, необходимое для китайскаго населенiя, гарнизона и русскаго

отряда. Этого на самом дѣлѣ не было. Заботливым Бакичем было обнаружено, что китайцы выгодно сбывают муку на сторону.

Казаки и солдаты оренбургскаго отряда, будучи до конца вѣрными своему долгу, во имя котораго перенесли так много страданій, не могли сносить голода и лишеній на чужбинѣ, среди непривѣтливаго чужого народа. Многіе пріуныли и стали выражать желаніе возвратиться обратно в Россію—домой. Никаких препятствій к возвращенію в Россію, как со стороны командного состава, так и китайских властей, не ставилось. Казаки и солдаты уходили „домой" группами, так как отпустить всѣх желавших сразу не разрѣшили китайскія власти. Каждый из нас знал, что ни один из них не попадет домой, а будут всѣ еще по дорогѣ мобилизованы или посажены по тюрьмам большевиками. Командиры частей, а равно и всѣ остающіеся в лагерѣ, к уходящим отнеслись с должным вниманіем. Были отслужены напутственные молебны. Трогательно было разставаніе с людьми, с которыми у нас в теченіе столь долгаго времени были одни интересы, однѣ печали и радости. Теперь каждый, отдавшись в руки судьбы, хотѣл найти лучшее. В то время было трудно сказать: тот ли счастлив, кто идет в Россію, на милость вчерашних врагов, поближе к своим родным очагам, или тот, кто останется, претерпѣвая разныя лишенія, на чужбинѣ.

Командир 15 оренбургскаго казачьяго полка, полковник Глѣбов, когда подошла очередь отправки казаков названнаго полка, приказал собраться всѣм офицерам и остающимся в лагерѣ казакам на молебен и проводы уходящих. Полковым священником был отслужен молебен, послѣ котораго священник с крестом в руках обратился к уходящим со словом. Он указал казакам на их заслуги перед Церковью, защиту имя религіи, на их подвиги, жертвы и лишенія, во благо нашей родины, для которой они сдѣлали все, что могли, а потому ни св. Церковь ни родина не забудут их. Сильныя рыданія, как среди уходящих, так и среди остающихся, заглушили слова священника. Послѣ священника обратился к ним с рѣчью полковник Глѣбов. В своей прекрасной рѣчи он сказал: „Я не хочу упрекать вас за то, что вы поки-

даете нас; неизвѣстно еще, какая судьба ожидает нас, здѣсь остающихся. Но я хочу указать вам на ваши жертвы, которыя вы принесли на благо дорогой нам родины и родного войска. В теченіе почти двух лѣт я все время был среди вас; я видѣл ваше искреннее желаніе освободить свое отечество от большевистскаго засилья. Много вы сдѣлали ради этого, много ваших братьев-станичников и однополчан пало смертью храбрых на полѣ брани. Благодаря создавшимся обстоятельствам, мы оказались здѣсь. Я вѣрю в вас, как и всегда, а также вѣрю, что вы, уйдя в совѣтскую Россію, гдѣ будете, быть может, мобилизованы большевиками, останетесь все же вѣрными казаками. Счастливый путь! С Богом!..“

Казаки, слушая своего любимаго командира, появленіе котораго среди них во время боя рѣшало часто судьбу послѣдняго, сквозь рыданія кричали: „приходите снова с оружіем в Россію, мы снова будем с вами, никогда не будем с большевиками!“

Послѣ этого колонна уходящих казаков стала удаляться по направленію к русской границѣ. Долгое время мы смотрѣли вслѣд им, удаляющимся к неизвѣстному будущему. Никто из нас не подумал даже послать им упрек в догонку. Никто не мог этого сдѣлать, ибо каждый понимал этих оборванных, полубосых и измученных людей.

Послѣ ухода казаков и солдат в Россію, в лагерѣ осталось немного меньше половины того количества, которое перешло границу, не считая бѣженцев и тѣх частей, которыя находились у атамана Дутова и генерала Анненкова. По сдачѣ нами станицы Маканчи, с указанными частями связь была прервана еще в февралѣ мѣсяцѣ 1920 года, и мы о них ничего не знали. И только почти через мѣсяц послѣ перехода границы мы узнали, что вышеуказанные отряды тоже перешли китайскую границу недалеко от города Кульджи. *)

Жизнь на новосельи первое время была тяжела. Стала развиваться хандра, уныніе и безпокойство за будущее. Но мало-по-малу люди начали привыкать к своему новому положенію, и жизнь стала входить в колею.

---

*) Кульджа — китайскій город, находится на западной границѣ Китая, верст 750 южнѣе города Чугучак; сообщеніе между этими городами весьма трудное и только караванное, т. е. на верблюдах и ослах.

23 апрѣля, день Георгія Побѣдоносца, который является традиціоннымъ войсковымъ праздникомъ Оренбургскаго казачьяго войска, рѣшено было, по примѣру прежнихъ лѣт, отпраздновать, устроив скачки на лошадях с призами, джигитовку, состязанія, сокольскую гимнастику и военныя игры. На праздник были приглашены русскій чугучакскій консул и чугучакскій военный губернатор со свитою. В день праздника при штабѣ отряда был отслужен торжественный молебен, а затѣм всѣ собрались к мѣсту игр. К 4-м часам дня сюда же пріѣхали русскій консул и китайскій губернатор. К моменту пріѣзда послѣдняго всѣ части были построены в одну общую колонну для встрѣчи. Так как губернатор пріѣхал в экипажѣ, то ему была подана верховая казачья лошадь для осмотра и поздравленія русских. Губернатор верхом объѣзжал фронт и важно возглашал: хо! Казаки и солдаты громогласно отвѣчали тоже: хо! своему новому „союзнику", как называли его казаки. На губернаторѣ была простая казачья шашка, браунинг в простой кобурѣ и офицерскій бинокль. Свита его была вся вооружена самым разнообразным видом оружія, конечно, русскаго, быть может, того же, которое отобрали у нас. Затѣм были исполнены послѣдовательно всѣ номера программы игр и состязаній. Губернатор был очень доволен и все ревѣл со своею свитою: хо! даже, когда уже все кончилось. Больше всего ему понравилась казачья джигитовка и сокольская гимнастика. В одном из номеров джигитовки было исполнено: казак похищает жену другого казака. Казачка лихо садится на одну лошадь вмѣстѣ с возлюбленным, и они стараются ускакать, но муж казачки, догнав похитителя, убивает его, а жена лихо уѣзжает от преслѣдованія мужа. Роль женщины исполнял переодѣтый в женскій костюм казак, и исполнял хорошо. Губернатор принял казака за настоящую женщину, и с удивленіем произнес: „У казаков даже и женщины умѣют очень хорошо ѣздить на лошадях!" Послѣ чего губернатор, сіяющій и довольный, пообѣщал, что он постарается улучшить продовольствіе интернированнаго русскаго лагеря, и отбыл, сопровождаемый вперемежку криками: хо! ура! и проч.

Постепенно жизнь лагеря начала оживать. Настроили из талов себѣ балаганы; строили и один для себя, или вмѣстѣ по нѣскольку человѣк. Право на постройку давалось без

всяких земельных и крѣпостных формальностей на недвижимое имущество. Впрочем, едва ли можно было назвать балаган недвижимым имуществом: иной безпокойный жилец не раз перетаскивал свой балаган с мѣста на мѣсто. Дѣлать всѣм было нечего, жилось хоть голодно, но не скучно. Появились бандура, краса русской музыки—гармонія. Понеслось милое, родное русское: „Вниз по матушкѣ по Волгѣ", „За Уралом за рѣкой" и „Камаринскій". Звуки замирали гдѣ-то в дали пустынных китайских полей. Казалось, Тарбагатай, склонив свои снѣжныя вершины, внимал чуждым ему звукам. Жаворонок, единственный пѣвец мѣстных полей, прекращал свою пѣсню в небесной лазури. Порой думалось, что тут собрались люди празднаго досуга, с цѣлью повеселиться.

В центрѣ всего лагеря помѣщался Красный Крест, гдѣ было много сестер милосердія.

Едва только спадет дневная жара, как уже толпою идут визитеры, по направленію Краснаго Креста. Здѣсь сѣдой полковник, юный корнет и даже робкій прапорщик. Во всѣх четырех направленіях вокруг расположенія Краснаго Креста, тонно разгуливала публика по-парно и группами, причем обмѣн разсказов и впечатлѣній был так весел, что все время слышался громкій смѣх: то звучный или тоненькій дѣвичій голосок, то пріятный баритон корнета или низкая октава военнаго чиновника. Конечно, относительно разнообразія костюмов и нарядности лучше будет промолчать.

Всѣ четыре аллеи, идущія от палаток Краснаго Креста, получили свои названія. Первая улица, как и всегда, была названа Атаманскою, хотя на ней не было ни одного атамана; вторая называлась—Невскій проспект; третья носила названіе—Поэзіи и Грусти, и четвертая—Любви.

Эти улицы всегда были оживлены. Здѣсь коротали свое время люди, так много перенесшіе, но не потерявшіе все же своей жизнерадостности и бодрости. Здѣсь же, на этих аллеях, можно было получать самыя свѣжія новости (из авторитетных источников), чуть ли не непосредственно из Москвы, Петрограда, Лондона, Токіо, Парижа и проч. По этим свѣдѣніям, уже давно Японія разбила Америку, Деникин, совмѣстно с поляками, взял Москву, Сибирь до Урала уже очищена от большевиков, и всюду возстанія и возстанія против больше-

виков! Увы! Это были только „вѣсти“! Здѣсь же можно было встрѣтить разных знаменитостей: если кто выиграл партію в шахматы, или нарисовал удачно каррикатуру, картинку, то об этом сейчас же можно было здѣсь узнать.

Были у нас и поэты, время от времени разражавшіеся „геніальными“ произведеніями в прозѣ и в стихах.

Был и любительскій драматическій театр, гдѣ ставили даже такія пьесы, как „На днѣ“ Горькаго.

Театр, концерты и прогулки по улицам Поэзіи и Грусти привели кое-кого к намѣренію, под охраной доблестной китайской стражи и просвѣщенных граждан этой страны, зажить в своем собственном балаганѣ тихим семейным счастьем. Для этого требовалось немногое: износить двѣ пары сапог (чего не было даже у самого Бакича) по улицам разных названій и затѣм закрѣпить создавшуюся симпатію самым законным русским браком. А гдѣ же церковь и вѣнцы? Но в этом остановки не было. Влюбленный в один день устраивал прекрасную таловую походную церковь. Сюда приносили иконы из батюшкинаго походнаго ящика. Влюбленная подруга в тот же день дѣлала из лыка чудные вѣнчальные вѣнцы. Полковому батюшкѣ—что? Привычное дѣло. Только посмотрит внимательно в лицо: русскій ли, мол, а то можно по ошибкѣ и китайца обвѣнчать. Самым серьезным образом, в теченіе лѣта 1920 года было обвѣнчано в таловой церкви и лыковыми вѣнцами свадеб больше десяти. Конечно, выдавались соотвѣтствующіе документы, как и у нас на Св. Руси. Итак, часто наряду с трагическим можно было видѣть и комическое.

Все же положеніе русских в лагерѣ, в общем, было безотрадным. Лѣто стало уже проходить, а отряд продолжал жить на лѣтнем положеніи. Всѣх пугала зима. Из отряда началось массовое бѣгство в разныя стороны, но больше всего на Ургу и далѣе, откуда многіе имѣли в виду добраться до частей атамана Семенова, или проѣхать на Восток. На зимовку отряду не разрѣшили размѣститься среди китайскаго населенія, а приказано было китайскими властями тут же, на мѣстѣ лѣтняго расположенія, вырыть зимніе землянки. До этого всѣ ждали, что на зиму их переведут куда-нибудь среди населенія, а потому такое распоряженіе тяжело по-

дѣйствовало на всѣх. Роющіе землянки говорили, что они роют себѣ могилы. Пожалуй, это походило на правду. Жизнь в сырых землянках, без топлива, обмундированія и при полном недоѣданіи могла сказаться на лагерѣ гибельно. Врачи предсказывали цынгу и другія неизбѣжныя эпидеміи.

В концѣ августа 1920 года, с большой грустью, разстался я с русским лагерем, имѣя цѣлью проѣхать на Восток, через Великій китайскій караванный путь, до Пекина. Я не знаю, как этот лагерь перенес зиму этого года, и что с ними сталось вообще ... Боюсь и думать об этом.

О том, как эти люди попали в лагерь и стали изгнанниками из родного отечества, перенося невѣроятныя трудности, лишенія и національныя униженія—я считал своим долгом повѣдать в этом скромном повѣствованіи. Записки мои весьма кратки, онѣ не захватывают сотой части той дѣйствительности, которой я и многіе другіе были свидѣтелями.

Эта дѣйствительность выражалась в разных ярких особенностях: беззавѣтная преданность своему долгу истинных сынов своего отечества; траурный путь от Урала вплоть до границы Китая; тѣ дикія азіатскія степи, гдѣ теперь с миром покоятся былые бойцы в забытых могилах ... Бѣдныя казачьи и крестьянскія избушки, киргизскія сакли ... И берега почти никому невѣдомой китайской рѣчки Эмиль, которой волей судеб предначертано было пріютить у себя мужественных людей, достойных граждан своей Родины.

В тѣни угрюмаго Тарбагатая, под тихое журчаніе струек Эмиля, несутся к тебѣ, о наша далекая Матушка-Россія, благословенія, надежды и мечты многих преданных и вѣрных твоих сынов . . .

И. Еловскій.

Пекин.

10 марта 1921 г.

☛ Цѣна 50 коп. золотомъ.